

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЭЛИТЫ

Джон Хигли

Революции играют важную роль в изучении процессов возникновения и развития элит. Как писал Парето, вырождение правящей элиты неизбежно. Ее представители в конце концов прибегают к одному из двух основных методов правления в ущерб другому: убеждению или силе. По мере вырождения старой элиты ее замещают люди и группы, склонные полагаться на другие методы правления, либо путем вхождения в правящую элиту и тем самым ее постепенного омоложения, либо полностью смещая ее путем революции. Парето видел в революциях примеры циркуляции и трансформации политических элит, обеспечивающих их периодическую «чистку», сравнивая революции с извилистой рекой, неожиданно выходящей из берегов¹. Революции формируют новую правящую элиту, которую я далее буду называть революционной элитой. Однако, в соответствии с циклической теорией Парето, новая революционная элита, в свою очередь, вырождается, и, если в нее не кооптируются новые члены, способствующие ее постепенному омоложению, она уничтожается новой революцией. И хотя это краткое изложение теории Парето не отражает всю сложность и тонкость его анализа², оно напоминает нам об отличительном подходе к пониманию революций и порождаемых ими элит, применявшемся выдающимся создателем теории элит.

Однако современные революции в малой степени отвечают положениям теоретической концепции Парето. Если не принимать во внимание антиколониальные восстания и сепаратистские «войны за национальное освобождение», то оказывается, что редкие события в действительности являются истинными ре-

волюциями, и большинство из них произошли в рамках международных военных конфликтов. Например, произошедшие в двадцатом столетии российская, югославская и китайская революции во многом определялись степенью урона, который нанесли правящим элитам внешние военные вторжения. Сказанное в полной мере применимо к коммунистическим революциям в странах Восточной Европы после Второй мировой войны, которые напрямую зависели от разрушений, нанесенных войной, и от немедленно последовавшего за ней расширения сферы советского влияния. Более того, некоторые из наиболее глубоких трансформаций политических элит стали результатом не революционных действий, а катастрофических военных поражений. Полное уничтожение нацистской элиты в Германии, фашистской в Италии и империалистической элиты в Японии во время Второй мировой войны и навязывание этим странам новых элит иностранными оккупационными силами служат этому красноречивыми примерами. Та же судьба постигла режим «красных кхмеров» в Камбодже, свергнутый вьетнамцами в 1978 г., и движение «Талибан», на большей части территории Афганистана, уничтоженное (по крайней мере временно) коалиционными силами во главе с США в конце 2001 г. Революции, происходящие вне зависимости от международных военных конфликтов, в большинстве случаев сводились и сводятся к беспорядочным и частичным, вместо всеобъемлющим, циркуляциям и трансформациям политических элит. Примерами могут служить английская, французская и мексиканская революции, а также более поздняя революция в Иране. Иными словами, несмотря

на положения Парето, революции представляют собой редкие явления, которые в большинстве случаев не имеют автономного и всеобъемлющего характера.

Данная работа представляет собой исследование возникновения и развития революционных элит. Поскольку характер революций, в результате которых возникают эти элиты, является в значительной мере случайным и зависящим от обстоятельств, что препятствует широким обобщениям, я стремлюсь поместить такие явления, как происхождение революций, процессы, сопровождающие их течение и развитие, и итоги революций, в контекст изучения политических элит.

Революции и элиты

Термин «революция» часто без разбора применяется по отношению к событиям, в ходе которых национальные правительства теряют власть под давлением народных масс, действующих неконституционным или насильственным путем³. Так, ученые и комментаторы рассуждают о «цветных революциях», произошедших в Сербии, Грузии, на Украине и в Кыргызстане в последние годы, в ходе которых одна элитная группировка оттеснила другую от руководящих постов и управления государством. Эти и другие политические игры в борьбе за правительственные кресла больше отвечают определению «народные» или, если угодно, «революционные» государственные перевороты⁴. Самое известное современное определение революции (в ее истинном понимании) дала Теда Скочпол: «Социальные революции представляют собой быстрые, коренные изменения состояния общества, его основ и классовой структуры; они сопровождаются и частично осуществляются благодаря народным восстаниям, имеющим в своей основе классовые различия»⁵. Это определение, однако, порождает ряд трудностей: во-первых, оно подразумевает, что все без исключения

революции имеют эгалитаристский характер («народные восстания, имеющие в своей основе классовые различия»); таким образом, антиэгалитаристские восстания, произошедшие в Германии и Италии в период между Первой и Второй мировыми войнами, нельзя считать революциями; во-вторых, революции должны всегда представлять собой «коренные изменения» государственной и классовой структур. Тем не менее, если взглянуть повнимательнее, то становится очевидно, что некоторые революции не привели к «коренным» изменениям существовавших ранее структур, включая структуру политических элит. Присутствующее в определении неявное различие между революциями и иными восстаниями, опирающимися на насилие, особенно гражданскими войнами, представляет собой еще одну сложность. Большинство революций влекут за собой начало гражданской войны, но некоторые революции, например китайская, очень напоминают гражданскую войну в ее истинном значении, они представляют собой, прежде всего, вооруженную борьбу, которая ведется крупными, хорошо организованными силами, контролирующими отдельные части территории страны. И последнее: утверждение, что революции представляют собой «быстрые» изменения, не может не вызвать сомнений: некоторые революции длятся долгие годы, как показала сама Теда Скочпол в своем исследовании китайской революции, продолжавшейся с 1911 по 1949 г.

Введение Чарльзом Тилли критерия революции, который он определил как «множественный суверенитет», позволило снизить существующую неопределенность. Как пишет Ч. Тилли, «революционная ситуация возникает в тот момент, когда правительство, до того контролировавшееся политической силой или силами, являвшимися сторонниками одного общественного строя и политической системы, становится объектом эффек-

тивных, конфликтующих и взаимно исключающих друг друга притязаний со стороны сторонников двух и более разновидностей общественного строя и форм государства. Революционная ситуация заканчивается, когда одна из противоборствующих сторон получает контроль над органами государственной власти»⁶. Наряду с другими учеными⁷, Тилли проводит различие между подобными революционными ситуациями, с одной стороны, и военными переворотами, народными мятежами, осуществляемыми недовольными меньшинствами, сепаратистскими действиями, восстаниями, организованными при иностранной поддержке, и организованной гражданской войной — с другой. Развивая тезис Чарльза Тилли, следует оговориться, что множественный суверенитет, отличающий революцию от сходных ей общественных явлений, характеризует только определенный этап более широкого и глубокого процесса, каковым является социально-политический переворот. На этом этапе, во-первых, происходят быстрые институциональные изменения, а также každодневные изменения в ожиданиях людей относительно их доходов и безопасности; во-вторых, неожиданные падения многих влиятельных и состоятельных людей и равно неожиданные восхождения людей, которые прежде не имели ни значительной власти, ни высокого социального положения. Иными словами, революция — это период большего или меньшего институционального коллапса и сопровождающего его хаоса, когда жизнь многих людей меняется кардинальным образом.

Каковы основные предпосылки революций? Безусловно, одной из них является глубокий раскол среди элит. Стремясь найти объяснение революциям, произошедшим в ряде стран в Новое время, ортодоксальные марксисты основное значение придавали конфликту между крепнущими буржуазными элитами и феодальной аристократией и монархией.

Неомарксистские теоретики, в частности Баррингтон Мур⁸, Перри Андерсон⁹, Иммануил Валлерстайн¹⁰, подчеркивали существование противоречий в рамках правящего класса землевладельцев, усугублявшихся периодически повторявшимися спадами экономической активности. Ч. Тилли¹¹ полагает, что революции были вызваны расколом элит, ставшим результатом многочисленных войн, формирования национальных государств и развития капитализма, что потребовало огромных ресурсов и привело к появлению новых элит, бросивших вызов уже существовавшим. Скочпол¹², в свою очередь, также акцентирует внимание на конфликтах между государством и земельной аристократией, полагая, что революции были «ускорены» исторически обусловленными кризисами в налогово-бюджетной сфере и внешней политике, с которыми государственные элиты оказались не в состоянии справиться. Джэк Голдстоун¹³ предложил использовать многовекторную модель, в соответствии с которой раскол элит, упадок государства и революции обусловлены неспособностью общества справиться с быстрым ростом населения.

В рамках этих подходов раскол элит рассматривается в качестве ситуативного и временного явления, отражающего значительно более глубокие социальные и экономические противоречия. Я же, наоборот, стремлюсь показать, что раскол — это нормальное состояние или характерный «формат» существования элит в независимых национальных государствах¹⁴. В результате того, что формирование национальных государств почти всегда сопровождалось насилием и подчинением, элиты состояли из шатких изнутри и враждебных групп, не связанных друг с другом ни коммуникационными сетями, ни механизмами влияния, способными «навести мосты» между враждующими лагерями, и не разделяющих единую точку зрения на «правила игры» на политической сцене и на ценность и

достоинства институтов вновь образованных национальных государств, и потому «участвующих в политической деятельности, как в военном сражении»¹⁵. Утверждая, что раскол элит служит предпосылкой революции, необходимо отметить, что такие условия складывались в большинстве национальных государств на разных этапах развития. Тем не менее революции оставались редким явлением, что свидетельствует о том, что для того, чтобы революция свершилась, наряду с чрезвычайными кризисами, безусловно, необходимы определенные «массовые» условия.

Первоначально сторонники марксистской теории утверждали, что рост населения и существование широких общественных масс в промышленно развитых капиталистических обществах неизбежно приведут к социалистическим революциям, устраняющим классовые и иные различия. Однако впоследствии ученые заметили, что в большинстве, если не во всех случаях, такие революции происходят в доиндустриальных крестьянских обществах¹⁶. В той степени, в которой промышленно развитые капиталистические общества подвержены революциям, как утверждает марксистская теория, они порождают антиэгалитаристские «революции сверху»¹⁷. Объяснение этому можно найти в предположении, что различные формы труда формируют принципиально различные взгляды на властную иерархию и власть предрешающих¹⁸. Крестьянский и ремесленный труд, работа в малых группах автономно порождают негативное отношение и чувство обиды и возмущения по отношению к властным иерархиям и тем, кто обладает властью. В высшей степени механизированный монотонный ручной труд промышленного рабочего, под постоянным присмотром, порождает отчужденное и агрессивно враждебное отношение к «власти предрешающим». Бюрократическая и служебная деятельность, обеспечивающая

взаимозависимость в процессе принятия решений и обоюдное деловое взаимодействие между крупными, обезличенными и вертикально структурированными организациями, лишает понимания того, каким образом такого рода работа могла бы быть выполнена в отсутствие разветвленных властных иерархий.

По этой причине преобладающие политические ориентации широких масс населения в доиндустриальных обществах, где преобладает крестьянский или ремесленный труд, являются эгалитаристскими, что служит предпосылкой для начала в обществе социалистической революции. С позволения Маркса, отмечу, что жители промышленно развитых обществ, в которых бесчисленные рабочие занимаются тем или иным трудом из основных форм труда (в частности, крестьянским и ремесленным трудом, ручным трудом на промышленном предприятии, умственной деятельностью), не имеют общих или преобладающих среди большинства взглядов на власть. Политическая история промышленно развитых обществ, однако, свидетельствует, что в критических ситуациях многие мелкие собственники из среды крестьян и ремесленников и не меньшее число представителей умственного труда и «белых воротничков» могут быть мобилизованы для участия в антиэгалитаристских, антисоциалистических, носящих более или менее «фашистский» характер действиях. И наконец, массовые политические ориентации в постиндустриальных обществах, где представители умственного труда и «белые воротнички» составляют большинство работающего населения, а их культурные ориентации носят доминирующий характер, свидетельствуют, что их носители в полной мере приемлют разветвленную властную систему и многочисленные и сложные статусные иерархии и, следовательно, враждебно настроены к революциям как таковым (которые ни разу не происходили в постиндустриальных обществах).

Сказанное выше позволяет сформулировать, пусть в общей форме, два объяснительных условия любой революции: 1) расколота элиты, возникающие в процессе формирования большинства независимых национальных государств и существующие еще долгое время после завершения этого процесса; 2) преобладание рабочей силы, по своему типу характерной либо для доиндустриальных обществ и склонной к осуществлению эгалитаристских революций, либо для индустриальных обществ и склонной к антиэгалитаристским революциям. Оба условия являются *необходимыми, но не достаточными* для свершения революции. Вероятность революционных событий зависит от исторических обстоятельств, прежде всего, от чрезвычайных кризисов, ставших объектами исследования Т. Скочпол и других ученых¹⁹. Эти кризисы доводят «до точки кипения» беспощадную борьбу между расколотыми элитами и значительно усиливают массовое недовольство и враждебность — чувства, которые испытывает рабочее население в до- и индустриальных обществах. Приводя к падению или значительно ослабляя политические режимы, которые уже давно находятся в состоянии нестабильности, эти внезапные и глубокие кризисы очищают путь революционным элитам.

В сущности, все ученые сходятся во мнении, что революции представляют собой обычно достаточно короткие этапы в развитии общества, характеризующиеся применением насилия. Раньше или позже какой-либо элитной группе удастся консолидировать власть и положить конец революции. Возможно ли понять, распознать процессы, в ходе которых формируются новые типы элит, способные завершить революцию, иными словами, элиты, порождаемые самой революцией? В некоторых случаях одной или несколькими группам или их остаткам, бывшим частью прежней расколотой элиты, удастся вновь захватить власть и сосредоточить ее в своих

руках. Таким образом закончились английская, французская и мексиканская революции. В других случаях тесно спаянной и доктринерской группе, до сих пор остававшейся на обочине политической жизни, удается держаться сплоченно и, приложив солидные усилия и имея немного удачи, выйти победителем. В дальнейшем победившая «революционная элита» уничтожает своих соперников и навязывает обществу свою идеологию и организационную структуру в качестве единственно возможных форм выражения политических взглядов и политических действий. Применительно к революционным событиям, развивавшимся по этой модели, можно говорить о полной и коренной смене политической элиты. Российская, югославская, китайская, кубинская и, возможно, иранская революции закончились таким образом.

В стремлении объяснить, почему только некоторые революции приводят к коренной смене элиты, важны присущие революции черты. Одна из них — выраженность множественного суверенитета: чем сильнее пошатнулись позиции старой политической элиты, чем ближе политический режим к полному краху и чем больше хаоса привнесли в политическую и социальную жизнь революционные изменения, тем больше вероятность того, что к власти придет политическая группа, имевшая прежде небольшой политический вес. Другая черта — характер и содержание идеологий, которым следуют члены борющихся за власть групп: чем более убедительной и разработанной, с инструментальной точки зрения, является идеология, тем больше шансов у ее носителей прийти к власти. Иными словами, существует два сценария революционных изменений и их результатов. В одном случае революция меняет конфигурацию элит, но не ведет к полной трансформации элит и их моделей поведения. В противном случае меняется сама природа политической элиты, и на смену прежней приходит новая рево-

люционная элита. Я предлагаю исследовать революции, которые служат иллюстрацией к каждому из возможных сценариев.

Революции без революционных элит

Если ограничивать анализ изучением революций только в независимых национальных государствах, то становится очевидно, что лишь очень немногие из целого ряда переворотов, произошедших в Новое время, но до российской революции 1917–1921 гг., соответствуют понятию революции, как оно здесь изложено. Все они по своей сути были эгалитаристскими, но, по существу, способствовали обновлению сложившейся политической элиты: они «разбавили» элиты новыми членами и до некоторой степени способствовали сглаживанию неравенства между правящими и подвластными, но ни одна из них не привела к появлению революционной элиты. По этому сценарию развивались революции в трех странах: в Англии в 1648–1649 гг., во Франции в 1789–1794 гг. и в Мексике в 1912–1917 гг.

Названные революции произошли в обществах, находившихся на доиндустриальной стадии развития, чьи элиты были очень расколоты. Крестьяне и их семьи составляли большинство населения в Англии в 1640 г.²⁰, более 80% во Франции в 1780-е гг.²¹ и 87% в Мексике в 1910 г.²² В каждой стране борьба между элитами носила затяжной, хронический характер. Трехсторонняя борьба между монархией, представителями духовенства и земельной аристократией после закрытия Генрихом VIII монастырей в 1536 г. стала менее напряженной и свелась к противостоянию между монархией и землевладельческой элитой (или «джентри»)²³. Консолидация французского общества и «абсолютизация» Франции на протяжении XVI–XVII веков породили длительную и кровопролитную внутриэлитную борьбу: продолжительную гражданскую войну 1562–1598 гг., убийство двух королей —

Генриха III и Генриха IV, вооруженное сопротивление дворянства королевской семье и восстание Фронды в 1648–1653 гг. На протяжении XVIII в. происходило постепенное размежевание французских элит на два враждебных лагеря: один объединял сторонников монархии, церкви, сохранения привилегий аристократии и значимости преемственности и традиции; второй состоял из наиболее ярких представителей третьего сословия и растущего класса буржуазии, разделявших рационалистические взгляды и считавших, что социальные и политические институты являются легитимными в той мере, в какой они служат на благо общества. По аналогичному пути развивалась ситуация в Мексике после получения ею независимости от Испании в 1810 г.: хаотичная борьба между консервативными и либеральными и между федеральными и региональными элитами стала причиной многочисленных восстаний, политических убийств и попыток свержения политического режима; кульминацией стало восстание 1876 г. во главе с Порфирио Диасом, на долгие годы установившим в стране диктатуру.

Кризис политического режима, спровоцированный политическими ошибками правящих элит, положил начало революциям в каждой стране. Карл I, правивший единолично после роспуска им английского парламента в 1647 г., недооценил, равно как и его министры, стоимость подавления шотландского восстания, и в 1640 г. Карл был вынужден вновь собрать парламент, проведя первые парламентские выборы за двенадцать лет, для получения необходимых ему денежных средств. Тратя силы на жалобы и выражения недовольства и отказываясь механически утверждать требований короля обеспечить повышение доходов казны, этот Короткий парламент доказал свою непокорность и был распущен в неожиданно жесткой и провокационной форме²⁴. В ходе новых выборов был избран второй, Долгий парламент, в

которой вошли многие непримиримые противники короля. Действуя в парламенте, они предприняли попытку отправить в отставку одного из королевских министров, изгнать из парламента некоторых сторонников короля, тягались с Карлом по поводу ряда своих требований, которым он отказывался уступить, и даже попытались создать собственную армию с намерением принудить Карла изменить свою политику. Во Франции в 1770—1780 гг. военные кампании за пределами страны, требовавшие чрезмерных ресурсов и обреченные на неудачу, и внутренние реформы привели к такому гигантскому бюджетному дефициту, что Людовик XVI и его окружение были вынуждены искать политическое решение экономических проблем, впервые с 1614 г. собрав Генеральные штаты. Сложный избирательный процесс вкупе с быстрым распространением либеральных идей среди значительной части элиты создал среду и возможности для радикальной агитации²⁵. Схожая ситуация складывалась в Мексике: существовавший долгие годы диктаторский режим Порфирио Диаса столкнулся с растущей нехваткой бюджетных доходов и ширившейся оппозицией среди политической элиты после 1905 г. Силой и обманом предотвратив победу Франциско Мадеро на президентских выборах в 1910 г., Диас²⁶ спровоцировал начало вооруженного восстания во главе с Мадеро на севере страны, одновременно с которым началось восстание на юге под предводительством Эмилиано Сапата, что определило судьбу диктатуры Диаса и открыло дорогу революции.

В каждой стране выраженный множественный суверенитет получал быстрое и широкое распространение. С 1642 по 1645 г. Англия была погружена в широкомасштабную гражданскую войну, когда парламентские силы, слившиеся с глубоко приверженной идеям, за которые она сражалась, армией Нового типа Оливера Кромвеля, одержали решитель-

ную победу над королевскими войсками. К этому времени армия Нового типа превратилась в самостоятельную политическую силу, многие офицеры и военные разделяли религиозные убеждения индепендентов или конгрегацианолитов, носивших гораздо более радикальный характер, нежели взгляды, которые разделяли большинство спонсировавших армию членов парламента и, вероятно, большая часть населения. Угроза гражданской войны между сторонниками парламентских фракций, антипарламентское восстание в Лондоне, мятеж в рядах армии Кромвеля и последовавшее в 1648 г. неудачное контрнаступление войск Карла I свидетельствовали о том, что этап, характеристикой которого служит множественный суверенитет, не закончился. Во Франции после взятия Бастилии в июле 1789 г. в результате практически полного преобладания агитации сторонников рационалистских взглядов монархия и офицерский корпус были лишены власти, которая перешла к активистам и ораторам, заправлявшим во вновь созданных муниципальных органах власти. На национальном уровне взамен Генеральных штатов была создана Национальная ассамблея, орган власти, обладавший определенным авторитетом, но не бюрократическими и военными инструментами, необходимыми для управления государством. Множественный суверенитет стал носить затяжной характер. В Мексике Мадеро сменил Диаса на посту президента в середине 1911 г., но его неспособность умиротворить элиты, поддерживавшие его, вскоре стала причиной новых мятежей, прежде всего, под предводительством Сапаты в конце 1911 г. и ряда лидеров, популярных на севере страны, весной 1912 г. К началу 1912 г. правительство едва сохраняло контроль над большей частью территории страны, а экономические и другие национальные институты оказались на грани полного распада²⁷. Страна вступила в период множественного суверенитета.

Однако выраженность множественного суверенитета в трех рассматриваемых странах значительно различалась. Наименьшей она была в Англии, поскольку армии Нового типа удалось поддержать дисциплину в своих рядах и сохранить контроль над политической ситуацией на протяжении наиболее радикальной фазы революции. Все началось с указа, изданного Долгим парламентом, о роспуске армии в ноябре 1648 г. Отказавшись выполнить этот указ на том основании, что это означало поправление их религиозных взглядов, лидеры армии устроили парламентскую «чистку», изгнав практически всех парламентариев, за исключением некоторых, чьи религиозные убеждения совпадали с их собственными. Парламентское «охвостье» немедленно провозгласило Англию республикой, санкционировало суд над Карлом I и его казнь и ликвидировало палату лордов. Для Англии чистка парламента и последующая казнь короля были поистине революционными деяниями, отражавшими резкое усиление влияния левеллеров и других миллениаристских сект зимой — весной 1649 г. Однако возвышение миллениариев было недолгим, уже в марте 1649 г. руководство армии отдало приказ об аресте их главных лидеров, а в мае Кромвель и его приближенные немедленно подавили мятеж, начавшийся в некоторых частях армии, которые сочувствовали и поддерживали левеллеров, с которыми после этих разгромов было практически покончено. Поскольку чистка парламента и казнь короля резко осуждалась большинством групп общественного мнения, включая многих, придерживавшихся более резких взглядов, представителей духовенства и прихожан Пресвитерианской церкви, поддержка унитарно-республиканской формы государства стала слабеть, и был установлен компромиссный режим «республиканского содружества», также бывший очень непопулярным²⁸.

Выраженность множественного суверенитета была значительно большей в ходе французской революции. К 1792 г. аристократия и духовенство как социальные классы были ликвидированы, и все их привилегии отменены, но жизнь большинства людей не стала лучше; более того, с материальной точки зрения она стала гораздо хуже, чем была до 1789 г. Для наиболее радикальных агитаторов и народных лидеров единственно подходящим объяснением служило то, что многие представители старого режима погрязли в такой безграничной коррупции, что они оказались не в состоянии воспользоваться возможностями, которые, предположительно, предоставлял им новый революционный порядок, основывавшийся на идеях свободы, равенства и братства. На этом основании, а также по требованию парижской толпы был начат террор. С 1792 по 1794 г. правительственная политика сводилась к бесперебойной работе гильотины; на эшафот попадал каждый, чья прежняя жизнь сделала его/ее непригодным/ой для жизни в свободном и равном обществе; «Задача республики состоит в искоренении всего, что ей противостоит», — провозглашал Сен-Жюст²⁹.

В ходе мексиканской революции множественный суверенитет приобрел выраженные черты. Свергнув Диаса в 1911 г., Мадеро сам был свергнут и убит вооруженными сторонниками генерала Викторiano Уэрты³⁰, в феврале 1913 г. Это немедленно повлекло за собой «конституционалистский» переворот во главе с Венустиано Карранса, губернатором одного из северных штатов, действовавшим в согласии с другими лидерами северных территорий, прежде всего Альваро Обрегоном из штата Сонора и Панчо Вильей в штате Чиауа. В июле 1914 г. конституционалисты свергли Уэрты, одновременно оттеснив от власти Вилью и его состоящую в основном из крестьян Северную дивизию, которая представляла собой крупнейшие вооружен-

ные силы, созданные в ходе революции. Конец 1914 г. стал «кульминацией революционного подъема низших слоев крестьянского населения»³¹. Попытка установить *modus vivendi* между несколькими революционными элитами и движениями, принявшими участие в работе Национального собрания в Агуаскальентес, привела только к дальнейшему обострению ситуации: Карранса лишился поста президента, вслед за чем сапатисты и сторонники Вильи захватили Мехико, а силы Карранса отошли в Веракрус. Несмотря на то, что вскоре они предприняли наступление на армию Панчо Вильи и разгромили ее между апрелем и июлем 1915 г., основная часть территории Мексики, включая крупные города, не контролировалась центральным правительством. Сапатисты и другие крестьянские отряды контролировали сельские территории, в то время как мятежные рабочие, выдвигавшие радикальные эгалитаристские требования, контролировали Мехико и другие города. В результате постоянных забастовок, большинство служб и государственных органов прекратили свою работу, и в стране начался голод³². Две всеобщие забастовки состоялись в 1916г., но Карранса, ставший к тому моменту президентом, подавил вторую забастовку, применив силу, и уничтожил основные организации рабочих. Это завершило наиболее радикальную стадию революции, во время которой вооруженные силы были раздроблены, но, как и в Англии, никогда не были полностью дезинтегрированы.

Характер и содержание революционных идеологий также влияют на исход революций. Ни в одном из трех рассматриваемых случаев основные группы, участвующие в революции, не имели связной и убедительной идеологии. В Англии, как считают исследователи, ярые пуритане следовали необходимости «проведения насильственной, нетерпимой к противникам политики», нацеленной на «нравственные преобразования»...

в рамках которой «принуждение общества к благочестию и социальной дисциплине» рассматривалось в качестве способа для избранных восславить Господа. Но многие пуританские лидеры не стремились навязывать свои убеждения окружающим или уничтожать тех, кто их не разделял. Такой позиции придерживались Кромвель и его военачальники, которым ничего не стоило поступить таким образом, если бы они этого хотели³³. Таким образом большинство пуританских лидеров не придавали большого значения светским эгалитаристским теориям милленаристских сект; в конце концов, они были не чем иным, как элитами, которые не намеревались отказываться от своих привилегий³⁴. Во Франции представители различных революционных политических сил действовали агрессивнее, стремясь навязать окружающим свои политические взгляды. Но их идеи были недостаточно убедительны, и им не хватало системности, необходимой любой политической программе; они сводились к милленаристскому убеждению в том, что простой отказ от традиций, от традиционной системы власти и ликвидация аристократических привилегий тем или иным образом сразу приведут к формированию справедливого и счастливого общества. Когда к 1792 г. этот рецепт политического и социального спасения перестал действовать, единственным доступным ресурсом оказался массовый террор. Не имея серьезного и эффективного, а главное, убедительного плана того, какой могла бы быть новая структура общества, французская революционная идеология не допускала возможности действовать осторожными методами, что могло бы позволить радикалам одержать верх и консолидировать власть. Разработанные гораздо позднее, в «Век идеологий», т.е. в XIX в., либеральная, социалистическая и демократическая доктрины были хорошо знакомы лидерам мексиканской революции, но не их последователям — крестьянским мас-

сам населения. Однако эти убедительные идеологии нашли свое отражение в мексиканской революции в виде сильных региональных и этнических идентичностей, глубокого противостояния по оси «город — деревня», особенно в религиозных вопросах, примитивного популизма, ставшего результатом длительной автономии сельских областей и различных регионов страны, и националистических настроений и устремлений, получивших распространение среди представителей всех классов и иных социальных групп. Таким образом, ни одна из возможных идеологий, несмотря на их внутреннюю логику и убедительность, не выступила в качестве связующего звена какой-либо из групп, участвовавших в мексиканской революции.

С аналитической точки зрения в ходе каждой из трех революций отсутствовала комбинация черт, делающая возможной победу революционных элит, — выраженный множественный суверенитет в сочетании с идеологией, способной стать убедительной политической программой. Вместо этого отдельные группы старых расколотых элит в конце концов вернули себе контроль над властью и возобновили «междоусобную» войну. В Англии в 1653 г. Кромвель и военная верхушка распустили «охвостье», продолжавшее заседать после переломных событий 1648–1649 гг., и установили военную диктатуру. Однако ее немедленное падение после смерти Кромвеля в 1658 г. свидетельствует о том, что эта диктатура не породила и не стала доказательством существования революционной элиты. К моменту смерти Кромвеля большинство пуританских лидеров было разочаровано и связывало будущее страны с восстановлением монархии. В кратчайшие сроки армия была очищена от республиканцев и оказалась глубоко расколота. Роялисты восстановили контроль над политической ситуацией, парламент объявил о самороспуске, вслед за которым последовали новые парламентские

выборы, и Карл II был приглашен на английский престол. Внутриэлитная борьба вокруг монарха и парламента возобновилась, а ее участники разделились на два лагеря, тори и вигов. Кульминацией этой продолжавшейся следующие тридцать лет борьбы стала Славная революция 1688–1689 гг., когда лидеры обеих группировок пришли к ставшему переломным в истории страны соглашению по большинству основополагающих и принципиальных спорных вопросов³⁵.

Революция во Франции, конец которой положил термидорианский переворот в июле 1794 г., имела те же итоги, что и в Англии в конце 1650-х гг. Без каких-либо объяснений Национальный конвент, сменивший Национальную ассамблею, неожиданно проголосовал за арест Робеспьера, представшего перед революционным трибуналом, главой которого он являлся. С помощью вооруженных сил, набранных в более зажиточных кварталах Парижа, удалось подавить протесты сторонников Робеспьера, и он был казнен. Хотя никто не придавал этому значения, это событие полностью изменило характер и содержание французской революции. Правые, до сих пор остававшиеся в тени, немедленно вышли на авансцену политической жизни, и террор был практически прекращен. В течение следующих пяти лет была восстановлена работа гражданских и военных административных органов, центральные органы власти восстановили контроль над территорией страны, и Франция начала ряд военных кампаний, которые способствовали распространению наиболее эффективных буржуазных нововведений революционной эпохи в европейских государствах. Однако, не прибегая к самоубийственным методам террора, лидеры термидорианского переворота и создатели Директории, без сомнения представляли собой расколотую элиту. Между 1794 и 1799 гг., когда Наполеон Бонапарт захватил власть, было совершено несколько попыток го-

сударственного переворота. Получив титул императора, Наполеон ликвидировал политический плюрализм и свободу слова в стране и, не переставая, вел завоевательные войны вплоть до своего поражения в 1815 г., когда Франция была оккупирована. Последующая французская политика характеризовалась борьбой за власть и влияние между различными группами элит, ни одна из которых не доверяла другой, что привело к тому, что в последующие 150 лет во Франции было предпринято с полдюжины попыток изменить государственный строй.

В Мексике, после того, как вторая всеобщая забастовка в 1916 г. была подавлена, была предпринята попытка объединить все революционные группы путем принятия новой конституции, включавшей положения, которые должны были успокоить представителей всех групп. Но ведущие политические лидеры страны, такие как Сапата и Вилья, не откликнулись на эту попытку и оставались в оппозиции к новому политическому режиму. Сохранение множественного суверенитета, несмотря на его менее выраженный характер, привело к дальнейшему кровопролитию. Сапата был убит в апреле 1919 г., в том же году был убит ближайший сподвижник Вильи, в отношениях лидеров конституционалистского движения, Карранса и Обрегона, произошел раскол, когда Карранса выдвинул кандидатуру своего преемника для участия в президентских выборах 1920 г. Обрегон совершил военный переворот, в результате которого в мае 1920 г. Карранса был убит при отступлении в Веракрус. Обрегон стал президентом и приступил к созданию структуры политической элиты и политического режима, которая отражала бы интересы всех политических фракций; стал добиваться подчинения государству организаций рабочих; возобновил отношения с представителями американского и других иностранных капиталов на условиях, которые были минимально приемлемы для национали-

стически настроенных фракций, и начал подготовительные шаги к проведению земельной реформы для успокоения крестьянского населения. Однако военные перевороты, предпринятые в 1922 и 1923 гг. с целью свержения режима Обрегона, убийство Вильи в 1923 г., война кристерос 1926—1929 гг., в ходе которой были подавлены все попытки местных крестьянских восстаний, раздуваемых Церковью, выступавшей против перехода к государству контроля над образовательными учреждениями, — все это свидетельствует о том, что политические элиты, получившие власть, были сильно раздроблены. Потребовался еще один кризис — убийство Обрегона в июле 1928 г. и угроза возобновления революционной борьбы, прежде чем на протяжении последующих нескольких месяцев было выработано межэлитное соглашение, автором которого стал Плутарко Калес³⁶. Таким образом, мексиканская революция не привела к формированию революционной элиты, однако, как и в ходе английской революции, страх перед возобновлением революции стал мощным стимулом к заключению пакта элит несколько лет спустя.

Приведенный анализ, который дополняет анализ российской революции, данный в дальнейшей части работы, позволяет сделать вывод, что английская, французская и мексиканская революции стали классическими примерами революций в доиндустриальных обществах и независимых национальных государствах в Новое время. Я постарался показать, что все три революции в широком смысле сообразовались с «элитными», «массовыми» и «кризисными» условиями революции, переменными революционного периода и результатами революции с точки зрения характера политических элит, как это было описано выше. Теперь я перехожу к анализу трех других революций, результатом которых стало появление революционных элит. Речь идет о российской, итальянской и

немецкой революциях, произошедших после Первой мировой войны, и я считаю, что они также согласуются с предложенной мною схемой, в центр которой я поместил политические элиты. Ход этих революций хорошо известен, и вряд ли необходимо его пересказывать (тем более не в рамках Московского проекта). **Однако моя модель позволяет под новым углом взглянуть на российскую, итальянскую и немецкую революции и на то, почему их результатом стало формирование революционных элит.**

Революции с революционными элитами

В 1914 г. раскол элит и нестабильность политических режимов характеризовали политическую ситуацию во всех европейских государствах, кроме Британии, Швеции, Нидерландов и Швейцарии, а также в странах Латинской Америки и в других независимых национальных государствах за пределами Европы, кроме бывших британских колоний в Северной Америке и в Южном полушарии³⁷. К 1914 г. национальные государства в Западной Европе, Северной Америке и Южном полушарии были индустриально развитыми обществами, в то время как восточноевропейские и другие страны (кроме Японии) все еще оставались на доиндустриальной стадии развития. Таким образом, к началу Первой мировой войны все независимые национальные государства отвечали «массовому» условию революции: наличие рабочей силы, занятой традиционным, крестьянско-ремесленным, или промышленным трудом. Но в результате успешной колониальной политики или действия заключенных ранее межэлитных соглашений, ряд национальных государств (Британия, Швеция, Нидерланды, Швейцария, бывшие британские колонии: Австралия, Канада, Новая Зеландия и Соединенные Штаты Америки) не соответствовали «элитному» условию революции, иными словами, их политические элиты не были расколоты³⁸.

Первая мировая война стала огромным бедствием и крайне негативно повлияла на экономическое развитие как европейских государств, так и большинства стран мира. Когда война близилась к своему завершению в 1918 г., нанесенный ею ущерб был столь значителен, что политические режимы и группы интересов большинства европейских государств столкнулись с угрозой революции со стороны социалистических элит, отстаивавших право представлять интересы рабочего класса и других притесняемых и угнетенных слоев населения. Однако революции произошли только в России, Италии и Германии, и во всех трех странах они привели к формированию революционных элит. Так почему именно эти страны и такой итог? Несмотря на очевидные различия между ними, не в последнюю очередь в характере занятости рабочих слоев населения (Россия по-прежнему оставалась доиндустриальной экономикой, но Италия, по крайней мере север страны, и Германия были промышленно развитыми обществами), было бы разумно считать революции в этих странах взаимосвязанными.

Как уже было сказано, политические элиты всех трех стран были глубоко расколоты накануне Первой мировой войны. Как и французские политические элиты в XVIII столетии, российская элита разделилась на два враждующих лагеря: принадлежащие к одному из них выступали за сохранение абсолютной монархии и традиционного социального порядка, в другом ратовали за парламентскую демократию и иные либеральные реформы. Поражение России в Русско-японской войне дало представителям либерального лагеря кратковременное преимущество и едва не привело к свержению абсолютистского режима в марте 1905 г., но тактические уступки, на которые пошел император Николай II, за которыми, однако, последовали беспощадные репрессии, продлили жизнь монархии еще на десять с лишним лет.

В Италии и Германии консолидация новых национальных государств на протяжении последней четверти XIX столетия сопровождалась чередой глубоких внутриэлитных конфликтов по поводу королевской власти, а в Италии также из-за роли Церкви в новом национальном государстве. Несмотря на национальное объединение, важные группы элит в Италии и Германии с самого начала оставались не согласными с новыми формами политических институтов и с властью адаптировавшихся к ним старых элит. Более того, быстрая индустриализация вскоре привела к формированию широкого и враждебно настроенного рабочего класса, мобилизуемого вновь возникшими элитами, провозглашавшими скорую социалистическую революцию. Однако путем жесткого ограничения избирательных прав в Италии (право голосовать имели около 5% взрослого населения) и принятия ряда мер по повышению уровня благосостояния граждан в Германии, а также апеллируя к националистическим настроениям граждан в ходе текущих внешнеполитических кризисов, правящие элиты в Италии и Германии смогли не допустить серьезной борьбы между различными социальными группами населения до Первой мировой войны.

Безусловно, война спровоцировала начало революций во всех трех странах. В России лишения, которые испытывало население, стали причиной многочисленных крестьянских восстаний и случаев дезертирства из воинских частей, с которыми царский режим оказался не в состоянии справиться. Режим пал в марте 1917 г., когда тысячи солдат отказались участвовать в расстреле демонстрации рабочих в Петрограде. Было сформировано Временное правительство, однако оно не пользовалось поддержкой среди офицерского состава и было не в состоянии предотвратить дальнейшие крестьянские бунты и забастовки промышленных рабочих, в организации которых

все большую роль играли местные Советы. Множественный суверенитет приобрел все большую выраженность. В свою очередь, в Италии война привела к резкому обострению внутренних конфликтов и окончательно лишила действовавшие политические институты общественной поддержки, как среди элиты, так и среди массовых слоев населения. Как отмечал Мартин Кларк³⁹: «Италия и раньше была расколота, но к ноябрю 1918 г. она оказалась расколота больше, чем когда бы то ни было: «комбатанты» против «уклонистов», крестьяне против рабочих, патриоты против капитулянтов. Ни одна из возможных политических систем не отвечала требованиям всех сторон». Результатом стал политический тупик, когда стоящие на непримиримых позициях социалистическая, коммунистическая, католическая и фашистская партии препятствовали формированию правительства, способного на решительные действия. Хаос в общественной жизни, о котором свидетельствовал пятнадцатимесячный мятеж Габриэле Д'Аннунцио в г. Фиуме, захват промышленных предприятий и земель, повальные забастовки и массовые беспорядки, стал казаться неизбежным. В Германии, как и в России, война уничтожила самодержавие, дискредитировав военную и другие, связанные с ним элиты. После принудительного отречения кайзера от престола в ноябре 1918 г., временное правительство, с неохотой возглавленное лидерами марксистской и относительно революционной социал-демократической партий, осуществляло надзор за переходом к республиканской и абсолютно демократической форме государства. Однако пришедшая к власти социал-демократическая элита оттолкнула от себя своих наиболее радикально настроенных сторонников, силой подавив несколько попыток местных революционных переворотов, что предзнаменовало развитие множественного суверенитета, и отказавшись от социалистических

реформ, которые не пользовались поддержкой избирателей. Приход к власти большевиков в России сыграл решающую роль в дальнейшем развитии политической ситуации во всех трех странах, немедленно сделав до сих пор кажущуюся возможность — установление социалистического порядка в национальном масштабе — полновесной реальностью. Стоило большевикам консолидировать власть и доказать, что воплощение в жизнь социалистических лозунгов об обобществлении средств производства не привело к немедленному экономическому краху, как многие представители различных категорий населения в таких промышленно развитых странах, как Италия и Германия, которые в результате социалистической революции рисковали лишиться гораздо большего, чем только «своих цепей», оказались в состоянии, когда они легко могли быть мобилизованы экстремистскими антисоциалистически настроенными элитами для участия в политических движениях, ставящих своей целью предотвращение социалистической революции любой ценой и любыми средствами. Таким образом, победа большевиков в Гражданской войне в России в 1917–1921 гг., длительный раскол итальянских и немецких элит и ущерб, нанесенный обеим странам Первой мировой войной, играют решающую роль в понимании революционных переворотов и их итогов в Италии и Германии.

Что привело большевиков к победе? Такой исход вовсе не был неизбежным. Достаточно сказать, что выраженный множественный суверенитет между 1917–1921 гг., в сочетании с убедительной, выверенной и эффективной большевистской версией марксизма, позволили большевикам захватить и удержать власть. Крестьянские бунты, нехватка зерна и неспособность Временного правительства предотвратить резкий рост инфляции на продукты питания, непрекращающиеся забастовки промышленных рабочих и военные мятежи, включая

попытку военного переворота в августе 1917 г., привели к падению Временного правительства в ноябре 1917 г. Небольшие группы большевиков в Москве и Петрограде просто-напросто взяли власть в результате бескровного переворота, который прошел практически не замеченным рядовыми гражданами. Публично следуя концепции, в соответствии с которой большевики были «авангардом», способным постепенно привести российский общество к социализму, Ленин и его сторонники зимой 1917–1918 гг. совершили ряд секретных и беспощадных шагов для разгрома своих противников, сформировав Чрезвычайную комиссию (ЧК) — орган, выполнявший карательные функции, — разогнав в начале января 1918 г. едва избранную Конституционную ассамблею, обратившись к Германии два месяца спустя с просьбой о заключении мира и создав Красную армию для ведения Гражданской войны и борьбы с интервенцией.

Крупномасштабный характер ведомой большевиками борьбы и порожденная ею чрезвычайная идеологическая поляризация не позволили умеренным политическим силам добиться хотя бы некоторого успеха. Результатом стала военная победа большевиков в 1920 г., хотя национально-освободительные восстания, вспыхнувшие на территориях, контролировавшихся антибольшевистскими силами, способствовали ей не меньше, чем военная доблесть большевиков. Единственной задачей Ленина и его окружения оставалось безоговорочное лидерство в лагере социалистов, которого они добились, подавив кронштадтский мятеж в марте 1921 г. и одновременно заставив участников X съезда РКП(б) отказаться от попыток руководства действиями Центрального комитета партии, который находился под контролем Ленина и его товарищей. В короткий срок на месте монархии возник новый политический режим без какой-либо действенной системы сдержек и противовесов и в высшей

степени централизованная политическая элита. Таким образом, самое позднее в 1925–1926 г., когда Сталин сменил Ленина после его смерти и лишил Зиновьева, Троцкого, как и остальных своих противников, политической власти, в руках новой политической элиты сосредоточилась безграничная власть.

В равной мере, как и приход к власти в России большевиков, ни итальянская, ни германская революции, произошедшие после Первой мировой войны, не были предопределены заранее. Характер занятости рабочих масс населения в этих странах делал эгалитаристские революции, аналогичные большевистской, для свершения которых необходимо огромное по численности безземельное крестьянское население, невозможными. В 1920 г. фермеры составляли меньше половины германского рабочего населения, большинство из них были мелкими землевладельцами, о чем свидетельствует обозначение «фермер», и католиками, твердо приверженными умеренным взглядам Центристской партии. В 1921 г. численность крестьян и ремесленников в Италии была значительно выше — около двух третей всего рабочего населения, — но они были наиболее многочисленны на юге страны, где особенно сильным было влияние католической церкви, консервативное и антиреволюционное. Кроме того, обезлюдивание сельской местности в результате индустриализации северных территории страны и широкая эмиграция, а также обусловленное послевоенной инфляцией процветание сельской местности привели к тому, что число землевладельцев за предшествующие десять лет возросло в два раза; 30–40 процентов глав крестьянских семей на юге страны в 1921 г. имели землю в собственности⁴⁰. Таким образом, важнейшего «массового» условия эгалитаристской революции — рабочей силы, состоящей в основном из обедневших и безземельных крестьян, — больше не существовало ни в Италии, ни в Германии после окончания Пер-

вой мировой войны. Вместо этого, когда угроза эгалитаристской революции, для свершения которой социалистические и коммунистические политические элиты обеих стран мобилизовывали многочисленный городской рабочий класс, стала ощутимой, массы сельских избирателей в Центральной Италии и Северной Германии и представители многочисленных среднего и верхнего среднего классов безоглядно поддержали антисоциалистические фашистские и нацистские партии соответственно. В результате политические силы, обещавшие предотвратить социалистические революции и, если потребуется, применить силу, получили широкую поддержку среди представителей всех социальных классов.

Безусловно, политическое развитие Италии и Германии было обусловлено не только численным превалированием промышленных рабочих над крестьянами, что позволило осуществить антисоциалистические революции. Необходимо также учитывать отношения между элитами в обеих странах, влияние Первой мировой войны и большевистской революции. Внутриэлитные конфликты разгорелись с началом войны с новой силой. Во-первых, запоздалое вступление Италии в войну в мае 1915 г. вызвало небывалые разногласия, когда ведущие политические лидеры, как, например, Джованни Джолитти, нажили многочисленных врагов среди представителей политической элиты, стремясь удержать Италию от вступления в войну, социалисты отказывались отречься от своих «интернационалистских» принципов и поддержать военные действия, а демагоги, как Муссолини и Д'Аннунцио, агитировали в пользу военных действий и клеймили своих соперников трусами, лишенными чувства патриотизма. После тяжелейшего поражения под Капоретто в конце 1917 г. милитаристски настроенные националисты и либералы сформировали движение «Фашио» для противостояния «поражен-

ческим» элитам; одновременно бесчисленные «фаши», некоторые из которых вскоре составили ядро движения Муссолини, возникали среди местных элит. Результатом этого конфликта, после окончания войны, стал рост недоверия между элитами и непримиримые позиции сторон. Поразительный исход выборов 1919 г, ставший результатом введения всеобщего избирательного права среди граждан мужского пола и пропорциональной избирательной системы, в дальнейшем уничтожил любую возможность формирования сильного правительства, так что к началу 1921 г. «одна недолгая коалиция во главе со слабым премьером сменяла другую, едва сводя концы с концами, когда страна погружалась в хаос»⁴¹.

В Германии начало Первой мировой войны привело к временному прекращению противостояния между основными элитными группами, включая откровенно революционную социал-демократическую партию. Однако к концу 1916 г. растущие внутриполитические трудности и политические разногласия способствовали фактическому установлению военной диктатуры. Военное поражение, последовавшее два года спустя, спровоцировало падение политического режима, провозглашение республики и недолгую гражданскую войну, в ходе которой левые силы предприняли несколько попыток переворота, которые были подавлены силовым путем. Военная и другие правые элиты дискредитировали себя, утверждая, что поражение в войне было вызвано саботажем со стороны левых политических сил, сами левые элиты были поляризованы, расколовшись на непримиримых революционеров и более умеренных социалистов. Таким образом, Веймарская республика с момента своего возникновения в 1919 г. была лишена поддержки со стороны единого фронта политических элит, неспособных к его формированию, что немедленно подтвердили организованные левыми силами восстания и попытка государствен-

ного переворота, предпринятая правыми в марте 1920 г. В последующие десять лет широко исследованные и описанные многими учеными⁴² центристские элиты и партии постепенно теряли влияние и поддержку избирателей в пользу революционных элит и партий правого и левого крыла, так что к 1930 г. формирование парламентского большинства, поддерживающего действия правительства, перестало быть возможным, и осуществление правления путем издания президентских декретов превратилось в норму.

В обеих странах сложился множественный суверенитет, что создало условия для прихода к власти Муссолини и Гитлера. Ни итальянское, ни германское правительства не смогли бы или не стали бы мешать полувоенным формированиям наиболее радикальных партий и движений, особенно крайне правым, взять под свой контроль многие населенные пункты и запугивать и убивать своих политических противников. На протяжении 1921–1922 гг. города на севере Италии были охвачены мятежом, носящим более или менее открытый характер и поднятым представителями рабочего класса, придерживавшимися социалистических и коммунистических взглядов, что порождало «призрак» неизбежной социалистической революции, устраняющей все классовые и иные различия, как это произошло в России. В ответ фашистские военизированные отряды, часто получавшие оружие, амунизию и др. поддержку от военных и полиции, брали под свой контроль один за другим города на севере Италии, что дало Муссолини необходимый козырь: король был вынужден поручить ему формирование правительства в октябре 1922 г. Спустя год в Мюнхене с позором провалился путч, организованный Гитлером для свержения баварского правительства и повторения успеха Муссолини, после чего Нацистская партия стала использовать свои военизированные формирова-

ния для запугивания противников, нередко с молчаливого одобрения военных и полиции, а также судебных органов. Вместе с ростом численности и агрессивности штурмовых отрядов Нацистской партии в 1920-е гг., все большей становилась выраженность множественного суверенитета, хотя никогда не достигала той глубины, которая характеризовала политическую ситуацию в Италии в 1921–1922 гг.

Таким образом, Гитлер и нацисты были лишены возможности проложить себе путь к власти с помощью силы и вместо этого вынуждены были участвовать в длительной электоральной борьбе, в ходе которой, благодаря эффективной деятельности своих военизированных отрядов и партийных кадров — так называемого организационного оружия — и не скупясь на обещания сокрушить марксизм и «большевизм», освободить фермеров от долгового бремени и уничтожить богатых и процветающих евреев, как и всех остальных, кто препятствовал возрождению национального величия Германии, Нацистская партия стала основным игроком на политической арене после 1930 г. Получив поддержку абсолютного большинства членов сельскохозяйственных протестантских общин и многих избирателей из среднего и высшей прослойки среднего класса, напуганных кажущейся силой левых движений и вместе с тем разочарованных политикой правящих правых партий, национал-социалисты стали крупнейшей партией, получив больше трети голосов избирателей на выборах 1932 г. Это позволило Гитлеру требовать от Гинденбурга своего назначения на должность канцлера, которое последовало, после сложных интриг в окружении президента между лидерами консерваторов, 20 января 1933 г.

В какой степени идеология повлияла на приход к власти антисоциалистических движений? Несмотря на утверждения фашистов и нацистов, что они

стремятся к созданию новых индустриальных обществ и, таким образом, новой идеологии, их политические программы, по своей сути, были прежде всего реакцией на существующие в обществе проблемы. Они выступали против социализма и демократических институтов и процессов, которые, по утверждению многих социалистов, в конце концов должны были привести к формированию социалистического общества. В действительности обе стороны, как социалисты, так и антисоциалисты, верили в пророчество Маркса, что промышленно развитые капиталистические общества порождают огромный класс пролетариев, который уже благодаря одной своей многочисленности сможет захватить власть. Поскольку возможности повлиять на траекторию развития рабочего класса и политическое развитие промышленно развитого общества на рассматриваемом историческом этапе оставались весьма ограниченными, то такая точка зрения казалось очень правдоподобной. Ни в одном капиталистическом промышленно развитом обществе доля враждебно настроенных и готовых перейти к активным действиям промышленных рабочих, занятых ручным трудом, не переставала расти или снижалась, как в конечном счете происходит, когда общества переходят к постиндустриальному этапу развития, в результате чего меняется характер труда работающего населения. Больше всего социалисты и антисоциалисты расходились во взглядах на последствия неизбежной победы социализма: если социалисты рассчитывали на формирование более или менее утопического общественного порядка, то их противники были уверены, что за ней немедленно последует падение экономики, общий экономический регресс и их собственная деградация.

Таким образом, те, кто считал себя неудачниками, с социальной точки зрения, или сочувствовал неудачникам, предвкушали приход социализма.

Но множество итальянцев и немцев, стоявших на более высоких ступенях социальной лестницы, или те, кто, как многие бывшие крестьяне, лишь недавно приобрели собственность, видели в социализме серьезную угрозу, с которой готовы были бороться. Представители населения, занятые интеллектуальным или любым иным видом непромышленного труда, и мелкие собственники из числа бывших крестьян и ремесленников, взятые вместе, они превосходили численностью рабочий класс, и многие из них могли быть мобилизованы с помощью антисоциалистических лозунгов беспринципными политическими авантюристами, как Муссолини и Гитлер, чтобы обеспечить их политическую победу. Иными словами, фашистско-нацистская идеология являлась прежде всего зеркальным отражением революционного социализма, и ее насильственный характер был обусловлен произошедшими в России политическими изменениями.

С приходом к власти фашистов и нацистов революционные элиты сменили прежние расколотые группы элит. В Германии это принципиальное изменение стало заметно уже через восемнадцать месяцев после прихода Гитлера к власти в январе 1933 г. Фальсификация выборов в марте 1933 г. предоставила необходимые средства для того, чтобы протолкнуть через парламент законодательный акт, дававший Гитлеру право править при помощи декретов. После чего он распустил парламенты, запретил деятельность профсоюзов, объявил вне закона все партии, кроме национал-социалистической немецкой рабочей партии. В апреле 1934 г. по приказу Гитлера были убиты Ром и другие радикально настроенные члены национал-социалистической партии, что должно было обеспечить Гитлеру поддержку военных при объединении должностей канцлера и президента и создании единого поста, который Гитлер занял после смерти Гинденбурга в августе того же года. Таким образом, начиная с

августа 1934 г., в крайнем случае, революционная элита установила полный контроль над Германией.

В отличие от Германии, фашистам потребовалось гораздо больше времени, чтобы консолидировать власть, и этот процесс всегда оставался в какой-то мере не завершенным. После формирования правительства в ноябре 1922 г. Муссолини отказался распустить отряды сквадристов, однако не предпринял решительных действий для уничтожения своих противников и последующей монополизации власти. На выборах, прошедших в апреле 1924 г. в соответствии с новым, но получившим широкую поддержку законодательством, избирательный блок во главе с фашистами получил две трети голосов. Когда Джакомо Маттеотти, новый лидер Социалистической партии, отказался признать результаты выборов, утверждая, что они были проведены нечестно, с многочисленными нарушениями, а избиратели были запуганы, он был убит шестью фашистскими сквадристами, возможно, с согласия самого Муссолини. Однако вместо того, чтобы использовать это убийство для начала полномасштабной парламентской кампании против правительства Муссолини и его движения, социалисты, коммунисты и другие оппозиционные элиты предпочли бойкотировать работу парламента, таким образом дав Муссолини достаточно пространства для маневра. Однако Муссолини и его окружение начали систематическое уничтожение оппозиционной политической элиты как в парламенте, так и за его пределами только в 1925–1926 гг., и только после четырех попыток убийства Муссолини они стали настаивать, в 1926 г., на формировании политической иерархии, основанной на беспрекословном подчинении, и централизации принятия политических решений на всех уровнях, что служит критерием революционной элиты. Но даже тогда многие важные элитные группы, в частности военные, церковь, некоторые

группы гражданских служащих, и некоторые члены сената не были полностью «фашизированы». Безусловно, сама фашистская партия стала скорее придатком правящей элиты, нежели ее центральным организующим звеном. Тем не менее значительная трансформация политических институтов и подчинение всех остальных элит автократическому государству, где слово Муссолини было законом, позволяет сделать вывод, что государственный переворот и смена элит в Италии носили безусловно революционный характер.

В заключение следует сказать, что успехи революционных элит в России, Италии и Германии носили взаимосвязанный характер. Все три общества удовлетворяли как «массовому», так и «элитному» условиям революции, несмотря на то, что вероятность возникновения революционных элит определялась, прежде всего: 1) катастрофическими последствиями Первой мировой войны для всех трех стран; 2) влиянием российской революции на Италию и Германию. Впервые революция привела к формированию революционной элиты, положив этому «задел», и с этой точки зрения российская революция стала уникальным явлением в современной истории. Несмотря на то, что ряд более ранних революций также носили эгалитаристский характер, российская революция стала первой породившей революционную элиту, оказавшуюся способной оставаться у власти долгие годы. Не имеющий себе равных кризис, которым стала для царской власти Первая мировая война, последовавший за ним период между 1917–1921 гг., когда множественный суверенитет приобрел исключительно выраженные черты, и убедительная, детализированная и эффективная большевистская идеология помогают понять этот не имеющий исторических аналогов итог революции. Влияние российской революции, а затем и ее итогов, проанализированных ранее, на разоренные войной страны, чьи элиты

были глубоко расколоты, такие как Италия и Германия, было безмерным. Заставив поверить в реальность претворения в жизнь идеи социалистической революции и, таким образом, воодушевив левые политические элиты и ужаснув правых, российская революция стала самой непосредственной причиной антиэгалитаристских революций и агрессивно наступательной политики революционных элит в Италии и Германии.

Траектории революционных элит

Из трех революционных элит, возникших в различных странах в межвоенный период, только российско-советская элита пережила Вторую мировую войну. На протяжении последующей четверти века, при помощи прямого применения военной силы либо путем идеологической пропаганды, опиравшейся на поддержку военных, она создала своих политических клонов как в странах, расположенных по периметру границ Советского Союза, так и вдалеке от него: сразу после окончания войны в Югославии и Албании, в странах Восточной Европы между 1947 и 1949 гг., в Северной Корее между 1945 и 1948 гг., в Китае в 1948 — 1949 гг., в Северном Вьетнаме в 1954 г., на Кубе в 1959 — 1960 гг., в Южном Йемене в 1970 г., в Камбодже и Афганистане на короткие периоды после 1975 г.

В последовавшие за этим долгие годы правящие элиты в перечисленных странах представляли собой не что иное, как слепок с советской элиты, и отстаивали за собой право на свое революционное происхождение, как оно понимается в контексте советского революционного опыта. В действительности ни одна из рассматриваемых политических элит не возникла в ходе революции, которую можно было бы сравнить с российской революцией или соответствующей разработанной мною концепции революции. Советский Союз использовал различные способы для создания политиче-

ских клонов: путем прямого применения военной силы и завоевания территории либо путем распространения региональной гегемонии; способствуя победе одной из сторон в хорошо организованной, длительной гражданской войне или антиколониальной войне за национальное освобождение; путем политических ухищрений и уловок. Идеологическая сплоченность и единство элит, появление которых не стало результатом вызревших на местной почве революций, каковой была российская революция, были менее прочными, нежели у советских элит. Например, в Восточной Европе борьба между элитными группами «нативистов» и «москвитов» была глубокой и упорной, так что доминирование фракции «москвитов» в значительной мере зависело от присутствия или близости советских вооруженных сил. В ряде других стран, в частности, в Северной Корее, в Китае, в Северном Вьетнаме и на Кубе решающую роль в поддержании политической элиты, которая, пусть грубо, но должна была соответствовать советской модели элит, играл культ личности вождя и отца — основателя новой политической системы.

Наибольшее значение имеет пример Китая. Как уже отмечалось выше, принято считать, что элита КНР сформировалась в ходе революции, длившейся, возможно, с небольшими промежутками, с 1911 по 1949 г.⁴³ Однако хорошо организованная и длительная гражданская война, в которой участвовали многочисленные полевые командиры и представители различных политических лагерей, из которых и состояла расколотая китайская политическая элита — самыми крупными из которых были гоминьдановский и коммунистический лагеря — более точная характеристика политического развития Китая на протяжении этих бурных четырех десятилетий. Только после военной победы коммунистов и прихода их к власти в Пекине в 1949 г., вероятно, можно говорить о том, что события

стали приобретать революционный характер, как это понятие понимается автором. Во-первых, коммунистической элите потребовалось несколько лет для того, чтобы распространить контроль на всю территорию страны к югу от Янцзы⁴⁴, которого она никогда не имела во время гражданской войны с силами Гоминьдана под руководством Чан Кайши. Это привело к серьезному элитному конфликту, о чем свидетельствует организованная Мао Цзэдуном кампания «пусть расцветают сто цветов» и выступления левых краснокнижечников в середине 1950-х гг. Во-вторых, закончившийся провалом «Большой скачок» в 1958–1960 гг., во время которого погибло от 20 до 30 млн человек, практически полностью уничтожил ту ограниченную солидарность, которая существовала в рядах коммунистической элиты, и привел к борьбе между антиэлитистской фракцией Мао Цзэдуна и другими фракциями в Коммунистической партии Китая⁴⁵.

Между 1966–1968 гг. этот конфликт привел к пароксизму Великой культурной революции. Революция, отличительной и неотъемлемой чертой которой являлся выраженный множественный суверенитет, закончилась, только когда Мао Цзэдун и его сподвижники распустили структуры хунвейбинов и призвали по-прежнему действовавшую Народную армию восстановить порядок. Однако конфликт между элитными группами перерос в жестокую борьбу за право занять место Мао Цзэдуна после его ухода, повлекшую за собой, среди прочего, убийство Линь Бяо и, в конце концов, уничтожение маоистской фракции («Банды четырех») после смерти Мао. Последующая борьба между сторонниками жесткого курса и мягкого подхода по поводу масштаба необходимых политических и экономических реформ достигла своей кульминации во время расстрела студенческой демонстрации на площади Тяньаньмэнь и практически открытого столкновения политических элит в

1989 г. Следует отметить, что, несмотря на то, что атмосфера холодной войны между 1950—1975 гг. породила у большинства зарубежных аналитиков уверенность в том, что китайская политическая элита сформировалась в ходе революции и была революционной по своей сути, как с точки зрения структуры, так и идеологического единообразия, эта точка зрения никогда не имела достаточных оснований. Если Китай и пережил революцию, то в середине 1960-х гг., когда коммунисты уже давно находились у власти, в результате провала «большого скачка» и последовавшей за ним жестокой межфракционной борьбы.

Нереволюционное происхождение правящей политической элиты Кубы во главе с Фиделем Кастро представляется еще более очевидным. Кастро и его товарищи захватили власть в условиях, ни одно из которых не удовлетворяло описанному в этой работе понятию эгалитаристской революции, о свершении которой они позже заявили. К началу 1950-х гг. и, возможно, с начала 1930-х гг., когда закончилась военная оккупация Кубы США, рабочий класс в стране находился скорее на раннеиндустриальной, нежели доиндустриальной стадии развития, что повышало вероятность начала антиэгалитаристской революции, но не наоборот. Кубинские элиты долгое время оставались раздроблены на множество фракций, диктатура одной из которых, возглавляемой бывшим армейским сержантом Фульхенсио Батистой, продолжалась большую часть времени после ухода американских войск и до победы Кастро в конце 1958 г. В годы правления Батисты не случилось ни одного крупного кризиса, который привел бы его режим к падению, и его вынужденный отъезд из страны в конце 1958 г. перед лицом требований со стороны военных и делового сообщества, с которыми он столкнулся, не привел к формированию ни одного условия множественного суверенитета. На протяжении дливше-

гося три года восстания, которое Кастро и его соратники вели в горных регионах страны, они не создали никакой убедительной идеологической платформы, ограничившись расплывчатыми популистскими и реформистскими обещаниями в духе Робин Гуда. Как замечательно написал Теодор Драпер, так называемая Кубинская революция состояла из «лидера, искавшего движение, которое он смог бы возглавить, движения, стремившегося к власти, и власти, которой не хватало идеологии»⁴⁶. Кастро и его сподвижники захватили власть при помощи политических уловок и ухищрений, убедив своих сторонников в том, что они ничем не напоминали ту революционную элиту, которой они и стали, получив контроль над правительством и армией, что дало им возможность навязать кубинскому обществу коренные изменения «сверху». Поскольку в кубинском обществе отсутствовали условия для эгалитаристской революции, «обман», к которому прибегли Кастро и его сподвижники, был, вероятно, единственным способом, с помощью которого провозгласившая в дальнейшем эгалитаристские и уравниательные идеалы и цели элита могла прийти к власти. Так или иначе, вплоть до того, как болезнь и старость вынудили Ф. Кастро отойти от управления страной в 2007 г., кубинская политическая элита оставалась всего лишь декорацией для представления, разыгрываемого одним актером, и ее дальнейшее существование без Ф. Кастро представляется маловероятным.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что среди ряда политических элит, считавшихся продуктом революций, произошедших в соответствующих странах, по-видимому, только советская политическая элита, после тщательного анализа, соответствует этому понятию, однако советской элиты больше не существует. Несмотря на своих многочисленных политических клонов, их безусловное отличное происхождение привело к

тому, что каждая национальная модель оказалась менее всеобъемлющей и более ориентированной на лидера и его личность, нежели советская модель политической элиты. Если все основания полагать, что крах советской элиты окажет сильнейшее, если не решающее, влияние на судьбу этих далеких от оригинала подражаний.

Доказательством этого служат некоторые события в Китае и Вьетнаме. В результате ослабления партийного контроля, который, конечно, не исчез полностью, широкое распространение получила коррупция. С другой стороны, благодаря ослаблению партийного контроля, большому количеству дешевой рабочей силы и успешному привлечению иностранных инвестиций, развитие Китая и Вьетнама полностью противоречит характеру развития Советского Союза в последние годы своего существования. Обе страны демонстрируют устойчивый экономический рост, средний класс продолжает расти, а масштабные инфраструктурные проекты и быстрая индустриализация обеспечивают работой и вызывают миграцию в города многочисленного незанятого на селе крестьянского населения и улучшают условия жизни населения. Социальные науки гласят, что подобные социально-экономические изменения в конечном счете делают невозможным свершение революции: либо контроль со стороны правящей элиты задушит дальнейший экономический рост и приведет к кризису, по своим масштабам далеко превосходящему события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., либо продолжающийся рост среднего класса и другие социальные различия вызовут раскол внутри китайской и вьетнамской элит.

Однако эти возможные варианты развития политической ситуации в условиях XXI в. могут оказаться обманчивыми. Они служат отражением текущего развития событий в Северной Корее, где правящая элита оказалась

неспособна предотвратить и даже некоторым образом ускорила появление социальных условий, обусловивших в стране нехватку продовольствия и голод, и в меньшей степени — событий на Кубе и в Иране, где революционные элиты, придерживающиеся единой идеологии или исповедующие общие религиозные принципы, значительно тормозят социально-экономическое развитие. Однако развитие событий по одному из этих сценариев кажется менее вероятным применительно к Китаю и Вьетнаму, где экономика развивается быстрыми темпами и где возникновение и дальнейший рост процветающего среднего класса остается возможным, не подрывая власти идеологически сплоченной элиты. Можно добавить, что понятие государственного социализма становится все более выхолощенным в Китае и Вьетнаме, но правящие элиты обоих государств замещают его националистической идеологией. Национализм в сочетании с ярким антиамериканизмом на протяжении долгого времени оставался той стратегией мобилизации народных масс, которую использовали Фидель Кастро и правящая кубинская элита, и остается одним из средств удержания власти иранской клерикальной элитой.

Есть и другие причины сомневаться в том, что приведенные выше альтернативные сценарии описывают судьбу революционных элит в XXI в. Во-первых, они получили важный исторический урок. Став свидетелями распада советской политической элиты, китайская, вьетнамская, а возможно, даже иранская правящие элиты могут с чрезвычайной бдительностью и осторожностью следить за возможными ситуациями и действиями, способными привести к их собственному падению. Может также оказаться, что ставшая уже прописной истиной о том, что между быстрым социально-экономическим развитием и прочностью революционных элит суще-

ствует обратная взаимосвязь, может оказаться не столь очевидной, если не ошибочной, поскольку в современном мире революционные элиты имеют возможность совместить высокий экономический рост и дальнейшие политические репрессии. Это может сопровождаться резким расширением предоставляемых населению основных общественных благ (транспорт, здравоохранение, начальное образование, национальная оборона, большее свободное время и больше способов развлечься) и одновременно ограничением распространения важных с политической точки зрения координационных благ — политических прав, гражданских свобод и прав человека, в более широком смысле слова, нецензурируемых средств массовой информации и Интернета, доступа к высшему образованию, которые ведут к мобилизации политических противников правящего режима, но менее значимы для развития экономики⁴⁷.

Сказанное выше не служит предположению, что правящие политические элиты и их преемники будут оставаться у власти бесконечно. Сохраняющийся на селе избыток рабочей силы, проблемы загрязнения окружающей среды, глобальное потепление, обеспечение водоснабжения и сокращение запасов нефти и других энергетических ресурсов или, по крайней мере, их резкое подорожание, без которых невозможен высокий и устойчивый экономический рост, являются причиной серьезных вызовов и угроз, с которыми описанные выше элиты (как и все другие) могут оказаться не в состоянии справиться. Нельзя исключать возможность распада политической элиты, как это произошло в Советском Союзе. Тем не менее в новых и продолжающих меняться условиях XXI в. революционные элиты обладают преимуществами, которых не было у советской политической элиты, либо она слишком заостенела, чтобы суметь воспользоваться ими.

Заключение

Отличительной чертой теории элит является то, что она утверждает, что характер, структура и другие характеристики политических элит в любых исторических обстоятельствах служат внешними ограничителями социальных и политических возможностей. Ничто не служит этому большим подтверждением, чем тот факт, что революции никогда не уничтожают элиты, как социально-политическую группу, а только изменяют их. Взяв за отправную точку приведенные Парето доказательства этого утверждения, я постарался поместить революции в рамки элитологических исследований. Я утверждаю, что революции происходят только при определенных условиях: в частности, когда элиты расколоты и фрагментированы, а рабочую силу формируют либо крестьяне и ремесленники в доиндустриальном обществе, либо промышленные рабочие в индустриально развитом обществе. Но даже в этом случае революция становится возможной только в результате чрезвычайного политического кризиса или полной непригодности правящей элиты. Революции невозможны в обществах, чьи политические элиты не расколоты, а работающее население занимается трудом, характерным для постиндустриальных обществ. Таким образом, революции не являются периодически повторяющимися, циклическими явлениями, как считал Парето; наоборот, они представляют собой редкие, обусловленные историческими обстоятельствами события, которые происходят только в некоторых обществах и только на определенных этапах развития.

Я задался вопросом: что определяет итог революции, если она все же происходит? Я исхожу из убеждения, что, чем более выраженным является множественный суверенитет в период революции и чем убедительнее и более разработанной, с инструментальной точки зрения, является идеология, которой придерживается

бывшая ранее периферической элита, тем больше вероятность того, что она сможет одержать победу и сформировать революционную элиту. И наоборот, когда многокомпонентный суверенитет ограничен, а идеологии, исповедуемые конфликтующими группами элит, находятся в зачаточном состоянии, то наиболее вероятный исход — смена персонального состава элит, но не их полная трансформация.

Английская и французская революции, которые подразумевал Парето, когда писал перед Первой мировой войной, были революциями, которые внесли значительные изменения в состав политических элит, не изменив существовавшую ранее модель раскола элит. В одном ряду с этими классическими европейскими революциями стоит революция в Мексике, которая только начиналась в тот момент, когда писал Парето, и о которой он мало знал. Но, опираясь на те исторические события и факты, которые были ему известны, нельзя не согласиться, что Парето был совершенно прав в своем анализе политических элит, сформировавшихся в результате революций. Однако впоследствии произошли еще три революции, итог которых, с точки зрения характера сложившихся элит, оказался совершенно иным: революция в России, свидетелем которой Парето стал в последние годы жизни, и итальянская и немецкая революции после его смерти в 1923 г. В результате каждой из этих революций сформировались особые революционные элиты. Я, однако, продолжаю подчеркивать существование взаимосвязи между этими тремя революциями, каждая из которых была спровоцирована беспрецедентным кризисом, которым обернулась Первая мировая война, и вместе с тем российская революция, чей «элитный» итог был определен выраженностью множественного суверенитета и убедительным и эффективным характером большевистской идеологии, стала непосредственной причиной революций в Италии и Германии.

В своем анализе я пришел к двум достаточно оригинальным выводам. Во-первых, при анализе антиэгалитаристских фашистских революций, вероятно, необходимо исходить из убеждения, что они оказались следствием исторических обстоятельств, сложившихся лишь в некоторых европейских индустриальных обществах с расколотыми элитами в межвоенные десятилетия. В этих обществах до сих пор не обращавший на себя внимание рабочий класс, в отношении которого было широко распространено ошибочное, однако, мнение, что отчужденные от результатов своего ручного труда промышленные рабочие и их семьи вскоре составят большинство населения, соседствовало с неожиданно возросшей уверенностью, что социалистические программы и цели возникли и получили распространение в результате большевистской революции. Это сочетание породило панику в среде в целом обеспеченных служащих, людей умственного труда, и имеющих некоторую собственность деревенских жителей и ремесленников. Антиэгалитаристские фашистские революции произошли в странах, а именно в Италии и Германии, где политические элиты были глубоко расколоты и готовы мобилизовать широкие массы населения как под про-, так антисоциалистическими лозунгами, опираясь на экстремистские доктрины и человеческие страхи, и где социальные и экономические последствия Первой мировой войны были особенно тяжелыми. Но вероятность того, что это сочетание, а также ряд вызванных войной дополнительных и непредсказуемых заранее обстоятельств, вновь повторятся, столь мала, что стремится к нулю. Это значит, что фашистские революции невозможно отнести к классификационной категории общего характера в изучении революций и революционных элит.

Мое второе заключение вытекает из первого: российская революция была

первым в своем роде, продуктивным по своим последствиям и совершенно уникальным событием. Ее итог — победа революционной элиты — был определен обстоятельствами, которыми другие революционные элиты не имели возможности воспользоваться в той же мере. В связи с этим необходимо быть особенно осторожными, пытаясь сформировать некие общие категории и модели на основе итогов большевистской революции. Широкие выводы о сходных с российскими революционными элитами и «революционном пути к современности», сделанные Баррингтоном Муром и другими, придерживающимися сходных взглядов, сторонниками эффективно-

сти революционного пути развития, не выдерживают критики по крайней мере по двум основаниям. Во-первых, помимо российского, сложно найти иные, не вызывающие сомнений, эмпирические примеры, которые могут служить основанием для таких выводов. Во-вторых, гибель советской элиты, а также очевидные изменения среди китайской и вьетнамской правящих элит заставляют предположить, что революционные элиты не являются неспособными к существованию и удержанию власти на протяжении жизни более чем двух или трех поколений. Как писал Парето, вырождение революционных элит также неизбежно.

- ¹ Pareto V. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. N. Y. : Dover, 1916/1935. P. 2227.
- ² Finer S. E. 1966. Introduction / Pareto Vilfredo. *Sociological Writings*. Tottawa NJ: Rowman & Littlefield, 1966. P. 1–91; Finer S. E. Pareto and Pluto-Democracy: The Retreat to the Galapagos // *American Political Science Review*. 1968. Vol. 62. P. 440–450; Powers Ch. H. Vilfredo Pareto. L. : SAGE, 1987; Crippen T., Lopreato J. Pareto's 'The Transformation of Democracy' and Modern Political Theory // *Revue Europeenne des Sciences Sociales*. 1988. Vol. 27. P. 47–86; Femia J. Pareto and Political Theory. L. : Routledge, 2007.
- ³ Goodwin J. *No Way Out. States and Revolutionary Movements 1945–1991*. N. Y. : Cambridge University Press, 2001.
- ⁴ Lane D. The Orange Revolution: 'People's Revolution' or Revolutionary Coup? // *British Journal of Politics and International Relations*. 2008. Vol. 10. P. 525–549.
- ⁵ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979. P. 4.
- ⁶ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. New York: Random House, 1978. P. 191; Tilly Ch. *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell, 1993. P. 234.
- ⁷ Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 264.
- ⁸ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966.
- ⁹ Anderson P. *Lineages of the Absolutist State*. L. : New Left Books, 1974.
- ¹⁰ Wallerstein I. *The Modern World System II*. N. Y. : Academic Press, 1980.
- ¹¹ Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. N. Y. : Random House, 1978; Tilly Ch. *European Revolutions 1492–1992*. Oxford: Blackwell, 1993.
- ¹² Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979.
- ¹³ Goldstone J. A. Introduction: The Comparative and Historical Study of Revolutions/ *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*/Ed. J. A. Goldstone. N. Y: Harcourt Brace Jovanovich, 1986. P. 1–17.
- ¹⁴ Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006. P. 33–54.
- ¹⁵ Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited: The Contemporary Debate*. Chatham NJ: Chatham House Publishers, 1987. P. 224.
- ¹⁶ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966; Paige J. M. *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. N. Y. : Free Press, 1975; Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press.

- 1979; Goldstone J. A. Introduction: The Comparative and Historical Study of Revolutions/ *Revolutions: Theoretical, Comparative, and Historical Studies*/ Ed. by J. A. Goldstone. N. Y. : Harcourt Brace Jovanovich, 1986. P. 1–17.
- ¹⁷ Trimberger E.K. *Revolution From Above*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1978.
- ¹⁸ Field G.L., John H. *Elitism*. Boston: Routledge, Kegan Paul, 1980. P. 21–32.
- ¹⁹ *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*/Ed. by M. Dogan, J. Higley. Lanham MD: Rowman & Littlefield, 1998; Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006.
- ²⁰ Moore B., Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press, 1966. P. 143.
- ²¹ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. New York: Cambridge University Press. 1979. P. 54.
- ²² Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 258.
- ²³ Lachmann R. *From Manor to Market: Structural Change in England, 1536–1640*. Madison: University of Wisconsin Press, 1987; Lachmann R. *Elite Conflict and State Formation in 16th and 17th–Century England and France* // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. P. 141–162.
- ²⁴ Aylmer G. E. *Rebellion or Revolution? England from Civil War to Restoration*. L. : Oxford University Press, 1986. P. 12–15.
- ²⁵ Schama S. *Citizens. A Chronicle of the French Revolution*. N. Y. : Knopf, 1989.
- ²⁶ Период его правления получил название «Порфириато» (Прим. пер.).
- ²⁷ Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 259.
- ²⁸ В русском языке установившуюся в Англии политическую систему принято называть Английской республикой (1649–1660 гг.) (Прим. пер.).
- ²⁹ Schama S. *Citizens. A Chronicle of the French Revolution*. N. Y. : Knopf, 1989. P. 787.
- ³⁰ Викториано Уэрта дослужился до звания генерала армии во время правления Порфирио Диаса (Прим. пер.).
- ³¹ Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1987. P. 305.
- ³² Hart J.M. *Revolutionary Mexico: The Coming and Process of the Mexican Revolution*. —Berkeley: University of California Press, 1987. P. 312–313.
- ³³ Aylmer G. E. *Rebellion or Revolution? England from Civil War to Restoration*. L. : Oxford University Press, 1986. P. 183–6.
- ³⁴ Bendix R. *Kings or People: Power and the Mandate to Rule*. Berkeley: University of California Press, 1979. P. 320.
- ³⁵ Barone M. *Our First Revolution. The Remarkable British Upheaval that Inspired America's Founding Fathers*. N. Y. : Crown Publishers, 2007.
- ³⁶ Knight A. *Mexico's Elite Settlement: Conjunction and Consequences/ Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe*. Ed. by J. Higley, R. Gunther. N. Y. : Cambridge University Press, 1992. P. 113–146.
- ³⁷ Higley J., Michael B. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham MD; Rowman & Littlefield, 2006. P. 33–54.
- ³⁸ Ibid. P. 107–134.
- ³⁹ Clark M. *Modern Italy, 1871–1982*. N. Y. : Longman, 1984. P. 200.
- ⁴⁰ Ibid. P. 209.
- ⁴¹ Ibid. P. 213.
- ⁴² Hamilton R.F. *Who Voted For Hitler?* Princeton: Princeton University Press, 1982; Evans R. J. *The Coming of the Third Reich*. N. Y. : Penguin, 2003.
- ⁴³ Skocpol Th. *States and Social Revolution: A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. N. Y. : Cambridge University Press. 1979.
- ⁴⁴ Янцзы — самая большая река в Китае и на всем материке Евразия (Прим. пер.).
- ⁴⁵ Fairbank J.K. *The Great Chinese Revolution, 1800–1985*. N. Y. : Harper & Row, 1986. P. 296–314.
- ⁴⁶ Draper Th. *Castroism: Theory and Practice*. N. Y. : Praeger, 1965. P. 132–3.
- ⁴⁷ De Mesquita B.B., George W.D. *Development and Democracy* // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84. P. 77–86.